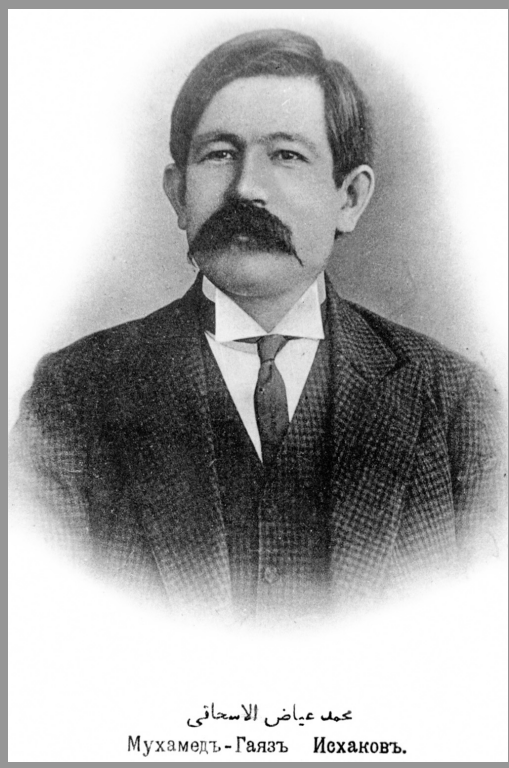
Азат Ахунов

Долгое возвращение



135 лет со дня рождения Гаяза Исхаки

Он был талантлив, неутомим и непокорен. А потому был гоним – до 1917 года и после него; и сейчас его тоже не очень-то жалуют: одни из-за того, что он «слишком татарин», другие – что «слишком русский». Но никуда не деться татарам от Гаяза Исхаки: он не уходит. И долго ещё не уйдёт.

В последние годы вокруг имени Гаяза Исхаки идут бесконечные споры, и даже не споры, а настоящие словесные битвы. Можно понять, почему споры достигли высокого накала. Представьте себе, что, нежданно-негаданно в самом конце XX века вдруг «обнаружился» писатель уровня Льва Толстого. Десятки романов, повестей и пьес, сотни статей – и все неведомые, непрочитанные. Семьдесят лет имя Исхаки было под строжайшим запретом, и не одно поколение татар выросло, вообще не слыхав имени этого гиганта татарской литературы. А ведь в начале XX века о Гаязе Исхаки писала вся татарская пресса, его книги выходили многотысячными тиражами и даже (невиданное для тех времён дело!) издавались многотомники его избранных сочинений.

Биография Гаяза Исхаки полна самых невероятных событий. Если кто-то со временем решится написать роман о его жизни и деятельности, то к его названию непременно надо будет добавить приставку «остросюжетный».

А начиналось всё достаточно буднично. Обычная семья сельского муллы, обычная татарская деревня, обычные сельские будни. Именно в такой деревне Яуширма (ныне село Кутлушкино Чистопольского района Татарстана) 22 февраля 1878 года появился на свет Гаяз Исхаки. Под руководством отца – авторитетного и образованного муллы Гилязетдин-хазрата уже в пять лет он выучился читать и писать и быстро усвоил программу начальной школы. Когда в 12-летнем возрасте родители отдали мальчика в Чистопольское медресе, Гаяз уже прекрасно понимал богословские книги на арабском и персидском языках. Видимо, уровень Чистопольского медресе не совсем удовлетворял интеллектуальные потребности талантливого и пытливого подростка, и через три года Гаяз решает поступить в одно из казанских медресе. В Казани он наблюдает совершенно иную жизнь, чем в сонном Чистополе. Здесь Гаяз Исхаки увлекается русской и западной литературой, делает свои первые шаги на литературном поприще, пытается переводить произведения классиков русской литературы.

Вот как сам Г. Исхаки описывает эти годы: «В то время все татарские умы были заняты вопросами реорганизации школ и медресе по европейскому образцу, и шакирды медресе принимали во всём этом горячее участие, распавшись на два враждебных лагеря, причем я был на стороне реформаторов. По прохождении нужного, по понятиям татар, количества богословских наук ученик должен сделаться муллой. Я же, неудовлетворённый этой миссией, для которой меня предназначали, задумал получить светское образование и ревностно принялся за русскую грамоту, о которой до того времени, как и все другие шакирды, не имел представления. Читать по-русски научился по вывескам. Во всё время пребывания в медресе много читал, главным образом турецкие романы (оригинальные и переведённые с французского), которым снабжал меня мой учитель Хади Максудов из своей библиотеки, привезённой из Константинополя».

Для лучшего усвоения русского языка несостоявшийся мулла бросает медресе и в 1898 году поступает в Татарскую учительскую школу, где принимает активное участие в различных студенческих мероприятиях. Услышав от знакомых, что литературное творчество относительно неплохо оплачивается, 17-летний юноша пишет свой первый в жизни рассказ и отправляет его в одно из татарских издательств. Но, уже отослав материал, он мучается тысячами сомнений, думает, что совершил ужасную ошибку и написал полную глупость.

Сам писатель этот эпизод в своей биографии вспоминает таким образом: «После выхода рассказа я удрал из Казани домой от стыда. Мне казалось, что взрослые поднимут меня на смех, скажут: вот, мол, мальчишка какой-то, шакирд несчастный, тоже писатель! Но против всякого ожидания меня по возвращении встретил совсем иной приём – я вдруг сделался известным. Первый успех подействовал на меня весьма благотворно, и я продолжил литературный труд. Материальное положение было тогда ужасным, занятий в школе много, сам давал грошовые уроки, голодал без конца. Всё это сильно тормозило моё развитие и страсть к писанию. О гонораре тогда не имели понятия, и мне с большим трудом удалось получить за своё первое сочинение целых 3 рубля».

Вот что значит доброе слово поддержки! У молодого писателя как будто открылось второе дыхание – с тех пор, несмотря на различные превратности судьбы, он не выпускает перо из рук и становится одним из самых плодовитых татарских писателей. В эти годы один за другим выходят его первые произ-

Азат Ахунов родился (1970) в Казани. Окончил Восточное отделение факультета татарской филологии, истории и восточных языков Казанского университета по специальности «арабская и татарская филология», а также аспирантуру Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова. Стажировался в арабских странах, собирал материалы в архивах Турции. Кандидат филологических наук. Работал первым замом гл. редактора журнала «Идель». В данное время – доцент Института международных отношений КФУ. Автор многочисленных публикаций в российских и зарубежных изданиях, монографий, пособий… Его работы отличаются нестандартным подходом к исследуемой теме.

ведения: повесть «Кәләпүшче кыз» («Тюбетеичница», 1900), драма «Өч хатын белән тормыш» («Жизнь с тремя жёнами», 1900) и другие. Его сочинения вызывают большой интерес читателей и критики.

Начинается взрослая, самостоятельная жизнь. В 1902 году Гаяз Исхаки закончил Татарскую учительскую школу и оказался перед нелегким выбором дальнейшего жизненного пути. Хочешь – пиши (и живи впроголодь), хочешь – занимайся политикой (живи под колпаком полиции), хочешь – иди преподавать. Исхаки очутился на распутье, да и беспокойная и тяжёлая студенческая жизнь выбила его из колеи. «Окончив школу, я настолько был изнурён нуждой и непосильным трудом, что нервно захворал: все опасались за меня, думали, что я сойду с ума. Пробыв на кумысе некоторое время, я настолько успел отдохнуть, что мог опять приняться за работу», – писал Г. Исхаки в своей автобиографии.

К тому времени подоспело и первое деловое предложение. Вчерашнего выпускника приглашают в престижное оренбургское медресе «Хусаиния» преподавателем светских дисциплин: арифметики, геометрии, ботаники, русского языка. Но и, казалось бы, на таком хорошем месте неугомонный Исхаки не продержался больше года. В медресе он развернул бурную деятельность: навёл порядок в библиотеке, добился улучшения санитарного состояния помещений и питания шакирдов, устраивал бесконечные диспуты на злободневные темы и быстро стал кумиром местной молодежи. Старожилам медресе, конечно же, не понравилась излишняя прыть новичка, который своими нововведениями взбудоражил доселе спокойную и размеренную жизнь «Хусаинии». Не мытьем, так катанием они добились увольнения Исхаки из этого учебного заведения.

Обиженный на весь мир Исхаки возвращается в Казань и продолжает свою работу над повестью «Ике йөз елдан соң инкыйраз» («Вымирание через 200

лет»), которую он начал писать ещё в Татарской учительской школе. Усиливается его нервная болезнь. Думая, что началась чахотка и что дни его сочтены, молодой писатель бросает все свои силы на дописание этого важного для него произведения.

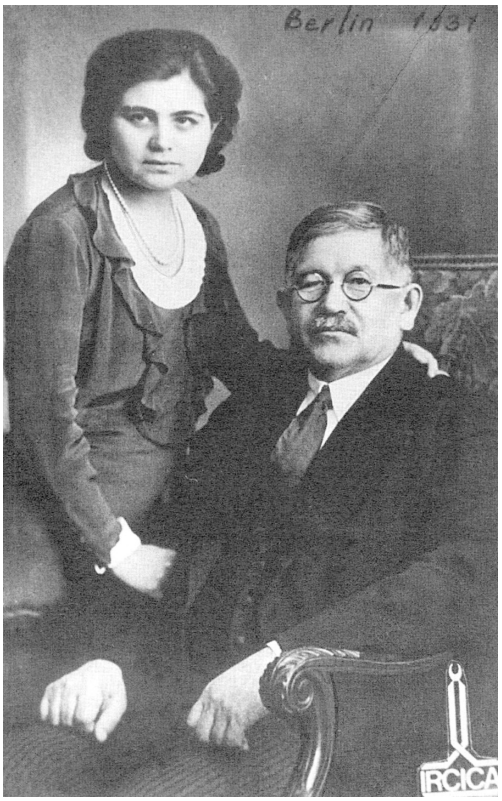
Через некоторое время жизнь налаживается и Исхаки выходит из душевного кризиса уже совсем другим человеком. Теперь это уже не наивный юноша-романтик, а зрелый мужчина, который чётко знает, чего он хочет. Писатель с головой уходит в литературу и политику – начинается жизнь, полная авантюр и приключений.

В «Вымирании…» писатель описывает исчезновение татар как нации. В последнее время об этом «программном» произведении говорят по случаю и без случая, сделав из Исхаки своего рода татарского Нострадамуса. А ведь когда эта книга была опубликована, писателю было всего 25 лет, писать же её он начал в ещё более раннем возрасте.

В те годы Исхаки был увлечён русской культурой и полагал, что прогресс татарской нации возможен лишь в тесном взаимодействии с русским миром, прежде всего просвещенной его частью. В своих «прорусских» настроениях он не был «белой вороной». На фоне всё усиливающейся в конце XIX – начале XX века борьбы старометодистов (кадимистов) с новометодистами (джадидистами) и проникновения прогрессивных идей Гаспринского в умы тюрок Российской империи всё больше и больше татар считали, что без интеграции и взаимодействия с русскими не обойтись, хотя бы даже исходя из чисто прагматических соображений.

Вот цитата из статьи «Казанское мусульманство» татарского педагога Шахбазгирея Ахмерова (1853–1900), которую он опубликовал в 1897 году: «Русский мир, окружая наше, особенно городское, татарское общество со всех сторон, в последние годы пробивает себе путь в его среду, хотя без особенного усилия со стороны русских. Житейская необходимость, личная выгода, светский блеск, желание казаться просвещёнными людьми в обществе, желание вкушать плоды комфорта и изящества заставляют некоторую, пока ещё самую исключительную, часть татар отступать от стародавних традиций и применяться к русскому строю жизни». И ещё одна цитата. На этот раз из доклада инспектора Татарской учительской школы (в будущем цензора татарских книг) В.Н.Пинегина (1863–1935), который так характеризировал Гаяза Исхаки: «Во время пребывания Исхакова в школе педагогическим персоналом её не замечено, чтобы он высказывал взгляды панисламизма или держался каких-либо крайних воззрений. Он только высказывался против фанатической замкнутости татар и отчужденности их от русской жизни и светской науки и считал своей задачей способствовать сородичам освободиться от невежества и фанатизма».

О чём же идёт речь в повести «Вымирание…»? В этом произведении Исхаки говорит о проблемах татар, которым грозит полное исчезновение из-за их нежелания идти за прогрессом, следовать за русской культурой и преодолевать свои многовековые привычки. Как напишет позже татарский учёный Джамал Валиди, Исхаки свалил в этом произведении на голову татар все возможные человеческие грехи. Автор повести выдвинул пять причин, которые, по его мнению, ведут к вымиранию татарской нации. Во-первых, это незаслуженно большая роль мулл-кадимистов и религиозных авторитетов – ишанов; во-вторых, недостаточная сеть учебных заведений и бесполезность преподаваемых там предметов; в-третьих, бедность татарской интеллигенции, которая вынуждена думать о хлебе насущном, а не о просвещении; в-четвёртых, нежелание татар учиться в русских школах и, наконец, в-пятых, неспособность татар довести начатое дело до конца. Причём Исхаки наиболее выпукло выделяет нежелание татар учиться по-русски, страх



Г. Исхаки со своей дочерью Сагадат. Берлин, 1931

перед всем русским, глубокий скептицизм относительно благих намерений царского правительства.

Просвещение и прогресс, по мнению Исхаки, идут от русских. Оказывается, чтобы спастись от вымирания, надо немедленно поступать в русские школы. Писатель рисует страшные картины «беспросветного» будущего татар. Варясь в своём собственном соку, татары начинают испытывать глубокую депрессию – мужчин губит алкоголь, женщин – проституция. С каждым годом нация всё больше и больше разрушается, деградирует. Появляются болезни, которые косят исключительно татар-мусульман. В итоге во время переписи 1897 года выясняется, что татар осталось всего 3800 человек. Среди оставшихся татар разгорается свара по дележу оставленного умершими имущества. Суды завалены жалобами и заявлениями, что приводит к коллапсу судебной системы. В результате некому стало торговать, некому стало ходить в мечети, которые превратились в музеи, больницы и даже рестораны. Наступает XXII век. Русские организуют крупные праздничные мероприятия, и именно в это время у них возникает интерес к погибшей татарской культуре. Изучаются татарская литература и музыка, восстанавливаются рецепты татарских блюд. Большой популярностью пользуется «последний из могикан» – татарский писатель Джагфар. Его приглашают в Петербург читать лекции и рассказывать о традициях татарского народа. Но всё это впустую – в газетах появляются сообщения, что в Оренбурге при смерти находится последний татарин. Джагфар, бросив всё, мчится туда, но не застаёт его в живых. В конце концов в живых из татар остаются сам Джагфар и его беременная жена Сююмбика. Джагфар едет на празднества в Петербург и только там узнаёт страшную новость – его жена умерла во время родов, а сын, которого они хотели назвать Тохтамышем, родился мёртвым. Вне себя от горя, Джагфар возвращается в Казань, потом едет в Булгар поклониться праху предков. В то время, когда он поднимается на один из минаретов, башня рушится – Джагфар погибает под её обломками. Так, по Исхаки, заканчивается история татар…

Говорят, что на написание этой повести Исхаки вдохновил социально-утопический роман американского писателя Эдуарда Беллами «Через сто лет», который впервые вышел на русском языке в 1889 году. Но вплоть до 1898 года, до самого поступления в Татарскую учительскую школу, Гаяз Исхаки совершенно не владел русским языком и, следовательно, не мог читать русские книги. Даже Толстого он изучал по турецкому переводу Ольги Лебедевой (Гульнар-ханум). Приятно думать, что Гаяз Исхаки был знаком с западной литературой, но всё же, по нашему мнению, на его мировоззрение больше вли-

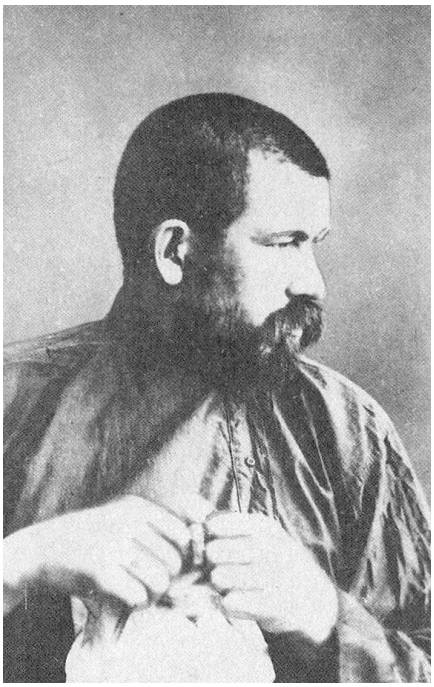
С видным японским тюркологом Кочи Окубо. Токио, 1934

яла татаро-турецкая и восточная литература. Не надо также забывать, что кумиром Исхаки был Исмаил Гаспринский, который ещё в 1887 году начал публиковать на страницах газеты «Тәрҗеман» («Переводчик») свой роман «Дару-р-рахат мусульманнары» («Мусульмане страны благоденствия»). Главный герой этого произведения – 27-летний Молла Аббас совершает путешествие в испанскую Андалусию и, оставшись на ночь в одной из бывших мечетей, оказывается в прекрасной неизвестной «Стране благоденствия». О существовании своей страны её жители собираются объявить миру лишь в 2079 году. Через различные аллегории и образы Гаспринский раскрывает судьбу своего народа. Кроме этого, Гаспринский написал романы «2000 год» и «100 лет спустя», но они были опубликованы после выхода футуристического произведения Исхаки.

Необходимо сказать, что при жизни автора повесть так и не увидела свет в своём полном виде. Цензор татарских книг В. Д. Смирнов так «обработал» повесть Исхаки, что от оригинала осталось чуть больше половины (целиком повесть увидела свет лишь в результате горбачёвской «перестройки»). Гаяз Исхаки так возмутился действиями цензора Смирнова, что решил поехать в Петербург и убить его. Для осуществления своих планов он уже подыскивал надёжное оружие, но тут появились золотопромышленники братья Рамеевы, которые увезли его на кумысолечение и тем самым спасли от неминуемой гибели.

Одновременно с литературой Гаяз Исхаки начинает увлекаться политикой. Да и невозможно было не заинтересоваться ею, когда в его родной учительской школе вовсю бродил «призрак коммунизма», который наводил ужас на многих, но только не на его однокашников – будущих революционеров Хусаина Ямашева и Гафура Кулахметова. Однако Гаяза этот «вирус» не коснулся. В то время он больше интересовался идеями партии социалистов-революционеров (эсеров) и, как и большинство мусульман России, на ближайших выборах решил поддержать именно это движение. Ещё обучаясь в Татарской учительской школе, он создаёт со своими единомышленниками тайное студенческое общество «Шакердлик» и выпускает рукописную газету под названием «Тәрәккый» («Прогресс»), распространяет среди соплеменников письма и воззвания, пытаясь через просвещение пробудить сознание татарского народа.

С началом революции 1905 года Гаяз Исхаки активно участвует в митингах, крестьянских сходках, пишет статьи, издаёт собственную газету «Таң йолдызы» («Утренняя звезда») эсеровского направления. В августе 1905 года на первом мусульманском съезде в Нижнем Новгороде Гаяз Исхаки возглавляет группу социалистов. В этот период его имя звучит в татарской прессе, он – признанный лидер в политических



В казанской тюрьме. 1907

кругах и бесспорный авторитет новой татарской литературы реалистического направления. Другой татарский политический деятель – Юсуф Акчура называет его «пламенным борцом за нацию, самым чистым и самоотверженным защитником её идеалов».

В 1906 году Г. Исхаки был впервые арестован и заключён в Чистопольскую тюрьму. Через год – повторный арест и ссылка на три года в Архангельскую губернию, которую он отбывал вместе с Юзефом Пилсудским, будущим президентом Польши. Судьбе будет угодно вновь свести их в Варшаве, и Пилсудский окажет поддержку татарскому эмигранту.

В 1908 году Гаяз Исхаки направляет письмо в МВД с просьбой разрешить ему отбывать остаток срока за границей. Его бумаге дают ход, и дело идёт к положительному решению. Но ссыльному уже не сидится на месте, им овладело «чемоданное настроение». Не дожидаясь ответа, он бежит из ссылки – сначала в Петербург, а затем в Турцию. В Турции он тоже не сидит на месте: публикуется в местной прессе, занимается литературным творчеством, участвует в различных собраниях и мероприятиях, проводимых татарской диаспорой, где жёстко критикует турок за отсталость и нежелание следовать за прогрессом. На одном из заседаний «Турецкого общества» Исхаки обрушил на османов целый град обвинений, причём не стеснялся и использовал самые крепкие выражения. «Я приехал сюда, в Стамбул, полагая найти честную и мужественную общественность Турции, однако нашёл общество лжецов. Вы только и умеете, что лгать. У вас нет верности своему слову», – возмущался татарский писатель. Забегая вперёд, скажем, что так же жёстко он будет критиковать политику Ататюрка, который, заигрывая с Советами, запретил в Турции его газету «Милли байрак» («Национальное знамя»), которой руководил Г. Исхаки.

Дело в том, что Исхаки сбежал в Турцию, чтобы своими глазами увидеть плоды революции «младотурок» 1908 года и поднабраться опыта революционной борьбы. Но поняв, что революция мало что изменила, он, разочарованный, засобирался в Россию, где происходят настоящие события, где его ждут и любят. В 1911 году Гаяз Исхаки нелегально приезжает в Петербург, но в 1912-м его выслеживают и вновь отправляют в ссылку. О том, что «известный своей революционной деятельностью и скрывшийся из мест высылки из Архангельской губернии татарин-литератор Мухаммед Гаяз Исхаков проживает нелегально в Петербурге», сообщит платный агент охранки Тухватулла Мамлеев. За Гаязом Исхаки устанавливают негласное наблюдение. В один из далеко не прекрасных для Г. Исхаки дней неизвестный мужчина в штатском окликнул его по имени. Услышав громкое «Гаяз!», писатель, который жил в Питере по поддельному паспорту, обернулся лицом к незнакомцу, чем выдал себя с головой.

Находясь в Стамбуле, Исхаки вёл оживлённую переписку с Максимом

В окружении татарской диаспоры. Токио, 1934

Горьким, которая продолжалась и в России вплоть до 1914 года (сохранились 2 письма Горького к Исхаки и 18 писем татарского писателя к Горькому). Видимо, «буревестнику русской революции» импонировала идейная направленность творчества татарского писателя, протестная по своему духу и содержанию. Об этом он мог знать как из сообщений русской прессы, так и от своих знакомых-татар.

Первое письмо к Горькому датируется декабрём 1910 года. Исхаки писал из Стамбула, что контора книгоиздательства «Знание» (которым тогда руководил Горький) вела разговор об издании его пьесы «Алдым-бирдем» («Брачный договор») и даже был выполнен русский перевод, но до сих пор нет никакого движения. Писатель просил Горького прояснить ситуацию и указать на недостатки. Ответ с Капри не заставил себя долго ждать. Уже 6 января 1911 года Гаяз Исхаки пишет ответное письмо, в котором имеются следующие строки: «Принятие к изданию моей пьесы страшно обрадовало меня, и я вам весьма признателен за столь скорый ответ». Также писатель сообщал, что обязательно вышлет свои биографические данные и подготовит «Очерк о современном состоянии татарской литературы», о котором его ранее просил Горький. Позже Исхаки перепоручил написание этого очерка татарскому литературоведу Наджипу Гасрый. Дело в том, что такой материал не обошёлся бы без разбора творчества Исхаки, и он посчитал нескромным писать о самом себе в первом или третьем лице. Очерк под названием «Пробуждение русских татар и их литература» увидел свет в четвёртом номере журнала «Современник» за 1911 год. «Уважаемый товарищ Гаяз Исхаков! – писал Горький в Стамбул. – Очерк, присланный вами,

показался мне вполне отвечающим той цели, которая имелась в виду, – ознакомить культурное русское общество с современной литературой татар».

Но татарского писателя больше всего волновала судьба собственной пьесы «Брачный договор»: ведя довольно скромную жизнь в Стамбуле, он надеялся на небольшой гонорар, о чём прямо писал Горькому. Но тот был полон новых идей и замыслов. «Не находите ли вы нужным перевести для русской публики «Жизнь с тремя жёнами»? Это, вероятно, очень интересно как особенность татарского быта и было бы своевременно для русской публики… Мне приходит в голову такая мысль: хорошую бы услугу оказал и русским и татарам тот татарин, который взялся бы проследить, как влияло соседство татар на русский народ в его представлениях о жизни», – делился планами русский писатель. В своих письмах Исхаки ещё и ещё раз напоминал о пьесе. «Дорогой собрат! – прервал наконец-то молчание М. Горький. – «Брачный договор» мне хочется провести на русскую сцену, но – до сей поры мои старания безуспешны. «Дневник шакирда» передан в редакцию журнала «Современник» – ответа ещё не имею, сообщу его вам, как только получу».

В конце концов в «Современнике» (1913, №4) вышел лишь небольшой рассказ Гаяза Исхаки под названием «Шакирд-абый» («Дядя-шакирд»). А что касается пьесы «Брачный договор», то она увидела свет в 1914 году в июньской книжке петербургского литературного журнала «Заветы» (переводчик Г. Свердлов). В этом же номере журнала также в переводе с татарского вышла обширная статья некоего М. Тохтамышева (возможно, татарского писателя Мухаммат-Наджипа Думави-Тахтамышева) «Татарская литература и Исхаков».

Не успела июньская книжка журнала «Заветы» разойтись по подписчикам, как вездесущая татарская пресса тут же разнесла эту весть по всему татарскому миру. Впрочем, информация о готовящемся издании пьес Исхаки просочилась в татарские издания задолго до этого события – ещё в апреле 1911 года, когда переписка с Горьким только разгоралась. Например, астраханская газета «Идел» («Волга»), сообщая тогда эту новость, отмечала, что сближение народов должно идти именно таким путём – путём изучения культурного наследия друг друга. Газета считала, что русские поступили совершенно правильно, начав изучение татарской литературы именно с Исхаки, творчество которого лишь обогатит русскую литературу. «Мы поздравляем наших татарских сородичей и наших русских братьев с этим важным событием», – писал неизвестный автор газеты «Идел».

Переписка Исхаки с Горьким на этом не закончилась. Ещё в 1911–1912 годах у русского писателя возникла идея издавать сборники, посвящённые национальным литературам, в том числе литературе казанских татар. До нас не дошли письма писателя к Исхаки с этим предложением, но о них мы знаем из переписки последнего с другим крупным татарским писателем – Фатихом Амирханом, в которой он делился с собратом по перу важной новостью: «Максим Горький написал мне письмо, в котором уговаривает собрать переводы пьесы «Брачный договор» и некоторых других вещей, присовокупить к ним прозу и стихи нескольких татарских писателей, чтобы издать их отдельной книгой в виде литературного сборника. Я ему ответил, что принимаю его предложение». Г. Исхаки сдержал своё слово и отправил Горькому переводы некоторых своих произведений и рассказы других татарских авторов. К сожалению, они так и не увидели свет в виде отдельной книги, а судьба рукописи неизвестна.

Письма к Горькому периода 1913–1914 годов – это ещё и жалобы на бедственное финансовое положение, в которое попал и татарский писатель, и издаваемая им теперь уже в Петербурге газета «Ил» («Отчизна»). Разжа-

лобленный его письмом Горький шлёт денежный перевод в адрес своего нуждающегося татарского коллеги.

Что ещё? При поддержке Горького готовилась к изданию драма «Жизнь с тремя жёнами», но не было сделано даже перевода. Отрывок из романа Исхаки «Мулла-бабай» вышел в Москве в 1914 году в виде небольшой брошюрки в переводе известного тюрколога Владимира Гордлевского. В русском варианте это произведение получило название «Загородное гулянье шакирдов». В этом же году в казанском журнале «Инородческое обозрение» под подписью А.И.Емельянова вышло довольнотаки подробное описательное изложение этого романа. Причина публикации обосновалась тем, что «...содержание татарской литературы для русских остаётся совершенно неизвестным, а между тем она даёт богатый бытовой материал, характеризующий татарское общество, его взгляды и культурное развитие». Тот же самый А.И.Емельянов ещё год назад давал самую высокую оценку творчеству Г. Исхаки: «Если где только и заметно биение жизненного пульса в татарской литературе нового направления, то именно в трудах этого автора. Простота, отсутствие ложной аффектации, правдивость изображения действительности – есть главные достоинства произведений Исхакова, выделяющие его из других татарских беллетристов». Среди последних произведений Г. Исхаки Емельянов отдельно отметил рассказ «Сөннәтче бабай» («Суннатчи-бабай»), который, по его мнению, стал одним из лучших татарских произведений 1912 года («Инородческое обозрение», 1913, книга 3). Стоит отметить, что в 1916 году этот рассказ вышел в русском переводе в № 3–4 журнала «Ежемесячник». В 1913 году рассказ «Калуш» («Галоша») был переведён на эсперанто и вышел в журнале «Oriente Almanako» («Восточный альманах»).

Когда в 1912 году Гаяз Исхаки был вновь арестован, его отправили в ту же саму Архангельскую губернию, но только теперь в её самую глухую и отдалённую часть – город Мезень. Сам Исхаки называл это место «вратами в ад». Однако и в этот раз судьба оказалась благосклонной к нему. Через год по случаю 300-летия династии Романовых объявляется амнистия, под которую попадает и ссыльный писатель. Триумфальное возвращение на родину. Поздравительные телеграммы со всех концов страны, радостные статьи в татарской прессе – всё это даёт стимул для продолжения работы на литературном поприще. Гаяз Исхаки вновь с головой окунается в общественную и политическую деятельность, становится известным как первый татарский эсер. Он работает в газетах Петербурга, Москвы, Казани, издаёт газету «Отчизна», которую запрещают в 1915 году. Затем открывает новую газету «Сүз» («Слово»), которую тоже закрывают.

Февральская революция 1917 года резко меняет обстановку в национальном движении. Меняются и политические взгляды Гаяза Исхаки. Для него главной темой становится единство нации. Он принимает активное участие во Всероссийском мусульманском съезде, который проходит в Москве в мае 1917 года. В ходе работы съезда Исхаки предлагает принять разработанную им платформу, согласно которой «мусульмане России – политический организм, способный и обладающий правом развивать единую культуру и строить свою жизнь на основе единой культуры; в своих действиях руководствуются единым мнением и идут под единым руководством».

Всероссийский мусульманский съезд постановляет, что Россия должна стать федеративно-демократической республикой. В июле того же года в Казани проходят съезды ряда национальных движений. На II съезде мусульман избирается «Милли Шура» («Национальный Совет») под руководством Садри Максуди. Полным ходом идёт подготовка к провозглашению собственного государства. «Милли Мәҗлес» («Национальный Конгресс»), работавший в

конце 1917 – начале 1918 года в Уфе, провозглашает штат «Идель-Урал» на территории бывших Казанской, Уфимской и Оренбургской губерний. Создаётся «Милли идарә» («Национальное правление») Урало-Поволжья в составе шести департаментов. Гаяз Исхаки возглавляет Департамент иностранных дел. Однако арест руководителей «Харби Шура» («Военного Совета») прервал процесс создания штата «Идель-Урал», к которому достаточно лояльно относились башкиры, чуваши, марийцы и другие народы края. А затем большевиками были разогнаны национальные движения, разоружены мусульманские полки, арестованы лидеры, конфискованы типографии и закрыты газеты. Гаяз Исхаки ушёл в подполье. После прихода белочехов «Национальная администрация» возобновила свою деятельность. Но у Колчака отношение к национальным движениям было не лучше – он организовал судебные процессы над их активистами. Гаяз Исхаки вновь перешёл на нелегальное положение.

В 1919 году Гаяз Исхаки в качестве представителя штата «Идель-Урал» отправляется на Версальскую мирную конференцию и больше не возвращается в Россию. Сначала он едет в Харбин, затем переезжает в Европу, живёт во Франции, Германии, Польше. Везде выступает, издаёт татарские газеты в Мукдене и Берлине, создаёт политические организации в Маньчжурии, Германии и Турции, объединяет в Варшаве эмигрантов разных национальностей в организацию антисталинской направленности «Прометей», девизом которой становится знаменитый лозунг «За вашу и нашу свободу!» Перед самым вторжением в Польшу германских и советских войск польские власти предупредили эмигрантов о грозящей им со стороны НКВД опасности, и им в самый последний момент с помощью турецких дипломатов удаётся покинуть территорию Польши.

Когда в конце 1980-х годов начался процесс реабилитации имени Исхаки, в газете «Советская Татария» появилась статья «Гаяз Исхаки, он же Шольц», написанная одним из татарских партийных историков. Согласно данным автора получалось, что татарский писатель чуть ли не сотрудничал с фашистами под кличкой «Шольц». В статье говорилось, что якобы польская военная разведка, связанная с английской разведывательной службой «Интеллидженс сервис», финансировала Исхаки и направляла его в разные части света с заданиями антисоветского характера. Позже все эти домыслы были опровергнуты ныне покойным татарским литературоведом Ибрагимом Нуруллиным (его статья о переписке Горького и Исхаки используется в нашем материале), которому не без труда удалось опубликовать свои статьи в газете «Вечерняя Казань».

В начале 1930-х годов Исхаки и в самом деле активно путешествовал по миру, но прежде всего с целью объединения раздробленной татарской эмиграции. В это время он активно передвигался по Дальневосточному региону: посетил Маньчжурию, Корею и Китай. В ходе своих многочисленных выступлений, встреч, совещаний с соотечественниками ему удалось завоевать много сторонников. В НКВД было заведено специальное досье, в которое заносился каждый шаг писателя. В сентябре 1933 года Исхаки должен был прибыть в Шанхай, но его не оказалось среди пассажиров парохода. Представители татарской диаспоры забеспокоились и начали выдвигать различные версии – например, о том, что его могли уничтожить по дороге агенты Коминтерна, о чём они сообщили в местную газету «Харбинское время». Но всё завершилось благополучно.

Интересно, что Исхаки не оставляла в покое и зарубежная разведка. Лидер татарской общины Токио Габдулхай Курбангалеев, справедливо опасаясь за своё место в свете усиливающейся популярности Гаяза Исхаки среди тюркотатарской общины Дальнего Востока, в 1935 году посылал неоднократные сообщения в департамент японской поли-

ции с информацией о том, что Исхаки якобы является агентом Советов. Находящийся в это время в Японии писатель был вызван на допросы и, в результате, ему было предписано покинуть страну.

В СССР оставалась семья Исхаки. С женой он развёлся, и больше всего его волновала судьба дочери – Сагадат. Он начал думать, как её вывезти к себе. В начале двадцатых годов «железный занавес» ещё только начал опускаться и при желании покинуть страну было не так сложно: пользуясь общей неразберихой, татарские эмигранты могли официальным путём и не нарушая закона вызвать к себе своих родственников. Дело в том, что молодая Советская республика остро нуждалась в квалифицированных кадрах и была готова обучать молодёжь в лучших вузах Европы. Именно таким образом, под видом выезда на учёбу в 1923 году была вывезена в Берлин и Сагадат.

В эти годы Гаяз Исхаки снова, как и почти всю свою жизнь, был крайне стеснён в средствах и фактически жил на стипендию дочери, которую ей выплачивало турецкое правительство. Именно поэтому он высылает свои пьесы в Казань драматургу и режиссёру Кариму Тинчурину. Он надеялся, что пьесы будут поставлены на татарской сцене и за них выплатят гонорар. Пьеса не была поставлена, но один её акт был сыгран единственный раз по случаю встречи Нового года. Все эти вольности, как и свободная переписка, пересылка из-за границы книг, бандеролей ещё через пять-семь лет станут немыслимыми. Но тогда советское руководство вполне серьёзно обсуждало возможность сотрудничества с татарскими эмигрантами. Так, в 1922 году заместитель наркома по делам национальностей РСФСР Турар Рыскулов (1894–1938) говорил о необходимости вернуть в Россию Гаяза Исхаки, Заки Валиди, Фуада Туктарова, которых предполагалось использовать на советской работе. Существует мнение, что в 1924 году и сам Гаяз Исхаки высказывал желание вернуться на родину, но это, вряд ли, правдоподобно: «дело Султан-Галеева» образца 1923 года наглядно говорило само за себя.

В годы сталинских репрессий дружба с Исхаки тяжело аукнулась в судьбе Карима Тинчурина. Кроме всего прочего, Тинчурина обвиняли в том, что в 1930 году он получил по почте журнал «Новый национальный путь» (по версии следствия «получил задание по антисоветской деятельности»), который ему отправил Исхаки. Вдобавок в вину вменялись непродолжительная работа в руководимой Исхаки петроградской газете «Ил». Этого оказалось достаточно, чтобы расстрелять известного татарского драматурга.

Что касается родственников Г. Исхаки, то сталинская карательная система не могла обойти своим вниманием и их. Чувствуя, что кольцо сужается, родной брат Исхаки Хасан Исхаков ещё в 1934 году выехал в Среднюю Азию. Но жизнь в постоянном напряжении, в ежедневном ожидании, что вот-вот придут и арестуют, сломила его психику, и в 1940 году он покончил жизнь самоубийством. В средине 30-х годов были репрессированы бывшая жена Гаяза Исхаки Марьям, а также его родные сёстры Нурия, Шамсикамар и их родственники.

Не будет преувеличением, если скажу, что почти всем арестованным в 1937 году деятелям татарской культуры инкриминировалась связь с Исхаки, по заданию которого они якобы «создавали антисоветское подполье». Интерес советских органов к фигуре Г.Исхаки не прекращался и после окончания Великой Отечественной войны. В апреле 1949 года МГБ СССР объявило всесоюзный розыск в связи с возможным появлением Исхаки в стране. Было установлено наблюдение за близкими и дальними родственниками по всему Советскому Союзу. Лишь после сообщения резидента из Турции о том, что Г.Исхаки скончался в Анкаре 24 июля 1954 года от болезни, розыск был прекращён, а его приметы перестали рассылаться по соответствующим организациям.

В 1987 году на одном из писатель-

ских собраний выступил татарский писатель Амирхан Еники, который поставил вопрос о необходимости возвращения доброго имени Гаяза Исхаки. Спустя короткое время в газете «Советская Татария» вышла статья Рафаэля Мустафина об Исхаки. Несмотря на это, дело не двигалось. Лишь после опубликования в московском журнале «Вопросы литературы» статьи татарского литературоведа Ибрагима Нуруллина, посвящённой переписке Гаяза Исхаки и Максима Горького, казанская газета «Вечерняя Казань» дала целую полосу под материал о творчестве выдающегося татарского писателя.

В эти годы наиболее плодотворно и целенаправленно изучением жизни и творчества Гаяза Исхаки и реабилитацией его имени занимались татарские учёные Хануз Махмутов (1933–1996) и Ибрагим Нуруллин (1923–1995). Даже в это время, в самый разгар «перестройки» имя Исхаки всё ещё было под запретом, а его книги находились в закрытом библиотечном фонде. Интересно, что при этом в Москве не было никаких препятствий для изучения его творчества. Ибрагим Нуруллин поставил перед собой цель – во время каждой своей командировки в Москву прочесть хотя бы одну книгу Гаяза Исхаки. Так он накопил достаточно материала о творчестве татарского писателя. Ибрагим Нуруллин одним из первых побывал в Турции, встречался с современниками и соратниками Гаяза Исхаки, привёз множество ксерокопий его книг и статей, вышедших за границей. В 1995 году учёного не стало. Не немного пережил его Хануз Махмутов, который «перелопатил» всю татарскую дореволюционную прессу в поисках материалов об Исхаки.

Сейчас уже никто не подвергает сомнению необходимость изучения жизни и творчества Гаяза Исхаки. Почти все его произведения и статьи, которые вышли на родине, были переизданы. Большую проблему представляет его зарубежное наследие. Несколько лет назад Национальный архив Татарстана получил часть документов, связанных с Г.Исхаки, но это только капля в море. Лучше обстоит дело со статьями и художественными произведениями Исхаки, которые были опубликованы в зарубежной периодической печати и татарской эмигрантской прессе. Во всяком случае, работа идёт и есть надежда, что в скором времени наследие великого татарского писателя в полном объёме вернётся на свою историческую родину.